

Ольга Сквирская

Райвер в майском госпитале

12+

Ольга Евгеньевна Сквирская
Дайвер в тайском госпитале
Серия «Русские в Таиланде», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38279880

SelfPub; 2018

Аннотация

Это продолжение книги "Дайвинг для чайников". От чего чаще всего лечатся люди в Стране Улыбок? От увечий, полученных в дорожных авариях. Но не стоит волноваться: медицина в Таиланде крепкая. Зато у пациента есть шанс ощутить на собственной шкуре приколы народного госпиталя на острове Самуи. По сравнению с российской медициной можно найти десять отличий. Другие методы лечения, другой стиль общения с пациентами, другие отношения между больными. Но самое главное отличие состоит в неизменном позитиве Страны Улыбок. Поэтому эта "история болезни" скорее веселая, нежели печальная.

Содержание

Предисловие	4
Дайвер в тайском госпитале	6
В теплые края	9
Госпиталь	12
«Моторбайк акцидент»	14
Тайский гимн	17
Навестить больного	21
Что у нас сегодня на обед	25
Старый разбойник	28
Леха	30
Визит дамы	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Предисловие

Вы когда-нибудь видели, как тайцы ездят на байках? Если нет, то много потеряли...

Они рассекают по острову вчетвером-впятером на одном байке, с детьми и собаками на коленях, с птичьими клетками на вытянутых руках и пальмовыми кадками на задних сиденьях, а еще – с разожженными жаровнями, шестиметровыми досками и бамбуковыми столиками. Удивительно другое: в аварии в основном попадают не тайцы, а фаранги (так в Таиланде обзывают иностранцев), и довольно часто. Так часто, что мой муж, инструктор по дайвингу, на эту тему придумал собственную фирменную шутку:

– Дайвинг – вещь безопасная! Самая большая опасность для дайвера – это упасть с моторбайка... – и на следующее занятие кто-нибудь обязательно приходил в гипсе!

– Ну и шуточки у тебя, боцман!

– Да, погорячился я, – сетовал Саша.

Но вот однажды бывалый дайвер сам попал в госпиталь, пав жертвой собственного пророчества...

Вы скажете, что катастрофа – это трагедия. А я вам на это отвечу: так-то оно так, однако спустя полгода после аварии я могу сказать, что по-настоящему благодарна судьбе за все пережитое.

Во-первых, я своими глазами увидела чудо исцеления.

Во-вторых, мы смогли ближе познакомиться с тайцами и их взглядами на жизнь, и после двух месяцев, проведенных нами в тайском госпитале, эта страна перестала казаться нам чужой и непонятной.

В-третьих, в самой атмосфере Таиланде столько неизбывного позитива и веселья, что даже описание длительного пребывания в больнице волей-неволей приобретает черты – пусть «черной», но все же комедии!

Дайвер в тайском госпитале

Все совпадения имен, фамилий, географических названий прошу считать досадной случайностью.

Вроде суббота началась, как обычно. Сидела себе перед мольбертом, тихонько рисовала венецианскую маску с натуры. Никак не удавалось мне передать цвет золоченого тюрбана.

Я выдавила на палитру капельку охры из тюбика, добавила самую малость угольной сажи, начала было смешивать кисточкой – и в это время зазвонил мой мобильник. Осторожно, двумя пальцами, чтобы не испачкать одежду в масляной краске, я вытащила телефон из кармана и нажала на кнопку.

– Мама, только не волнуйся! – (все присутствующие в студии, включая учителя Анатолия Кузьмича, обернулись на мой вопль). – Позвонили с Самуи – папа попал в аварию на байке и сломал руку и ногу. Сейчас он в госпитале. В общем, тебе надо ехать... Мы уже ищем тебе билет по интернету.

– Что случилось?! – художницы со всех сторон забросали меня вопросами.

С минуту посидела неподвижно и молча, потом медленно собрала тюбики, тщательно промыла кисточки в керосине – необходимо было сделать что-то очень простое. В последний

раз заглянув в мистические глазные прорезы недорисованной маски, я вдруг отчетливо осознала, что вся эта мишура больше не имеет никакого значения: с этого момента моя жизнь круто меняется и, кажется, не в лучшую сторону...

Распрощавшись с встревоженными подругами, побрела домой, по дороге обдумывая, что взять с собой в Таиланд...

– Возьми у меня лекарства – вдруг там не будет, – советует мне подруга Соня (она врач).

– Возьми масляные краски и кисточки, – советует дочка Инна. – Будешь рисовать море.

– Рисовать? Будет мне там «картина маслом» ... – чувствую я.

– А я считаю, что ты просто обязана продолжать рисовать – будешь продавать пейзажи, – настаивает дочь.

– ...Какое рисовать... – стонет по телефону Саша. – Даже не тащи сюда свои дурацкие краски... Лучше клизму учишь ставить! Тут даже судна нет! Хоть судно привези.

– А клизмы хоть есть на острове? – робко интересуюсь я.

– Да ничего тут нет! – ругается Саша.

– А как же они... А как же ты... Совсем не...

– Да, представь себе – совсем!

– ...Инна, звонил отец, надо купить судно здесь – там нет. Ты не знаешь, они сильно тяжелые? – звоню я дочери.

– Поищем что-нибудь надувное. Попрошу Данила – пусть посмотрит в «Медтехнике».

– Соня, как делать клизму? – спрашиваю я по телефону подругу.

– Совсем нетрудно, я тебе объясню, – успокаивает меня Соня. – Надо купить в аптеке такую кружку со шлангом...

В общем, процесс запущен. Но тут новый звонок из Таиланда:

– Олечка, я дурак!

Вместо «здравствуй».

– Как, почему? – пугаюсь я.

– Конечно, не надо никакого судна тащить из России – их тут миллион. И клизмы никакой не надо. Пришел Дима и наорал на меня... Просто у меня после наркоза с головой не в порядке... Ты уж меня извини!

– ...Инна, отец звонил, сказал, что он дурак и что не надо никакого судна!

– Данил, не покупай судно – звонил папа и сказал, что он дурак.

– Соня, звонил Саша и сказал, что все нормально, не надо ни клизмы, ни судна. И что он дурак.

– Хорошие новости, – радуется Соня.

В теплые края

Полгода назад мой муж Саша вместе с семьей брата отпраздновал в Таиланде.

Дима с супругой были настроены весьма решительно – все корабли за собой сожгли: распродав в Лесогорске все свое скудное движимое и недвижимое имущество, улетели на остров Панган – заниматься «бизнесом» (каким – там посмотрим!).

Конечно, бизнеса никакого они не открыли – Таиланд и не таких обламывает.

А мой Саша устроился работать инструктором в тайский дайвцентр. Русскоязычных клиентов оказалось не так уж много, и денег он не смог заработать даже себе на еду. Сидел на шее у брата и скрипел зубами. Я тоже скрипела зубами, только дома, в Новосибирске, без работы. А что вы хотите – в мире кризис, в стране кризис, и у нас – кризис.

После катастрофы сразу стало ясно, что бывает и похуже. Примерно как купить козу...

«Еще недавно какие мы были счастливые!» – с тоской думала я, трясаясь в вагоне поезда «Новосибирск-Москва» ...

– Куда вы едете? – поинтересовалась соседка по купе.

– В Таиланд... – тоскливо вздыхаю я со слезами на глазах.

– О! – завидует она мне. – Какая вы счастливая!

Она не знает, что я еду ухаживать за лежащим больным.

«Лежачий больной – это плохо. Но он «лежит» в Таиланде, на берегу моря, а это хорошо, – делаю я расклад. – Вот мне уже завидуют».

...По иронии судьбы как раз перед Сашиной аварией я уволилась из новосибирской поликлиники, в регистратуре которой проработала с месяц.

«Очередная покупка козы», – так охарактеризовала я свой самый неудачный в жизни эксперимент с работой в контексте кризисного «безрыбья».

Мизерная зарплата, мартышкин труд, «дедовщина» в коллективе, склочные регистраторы, хитрое начальство, измотанные врачи, скандальные больные, вечно пропадающие карточки, бр-р! Все это поселило в моем мозгу тотальный ужас перед медициной.

А тут – снова эти белые халаты...

Мы выяснили, что в результате аварии у Саши сломана

правая рука и сильно раздроблена левая голень под коленкой. Перебит нерв, стопа не двигается. Мда-а-а-а...

– Спасибо, что хоть голова цела! – утешила меня на прощание дочка-оптимистка. –А через пару месяцев нога срастется, и он сможет «нырять». Говорят, нервы восстанавливаются. Если нет, купим моноласту, и он сможет «нырять». Ну, если все равно будет хромоть, выпишем бандаж из Германии, и в нем он будет «нырять».

– ...А если нет, то посадим его в инвалидную коляску, и он в ней будет «нырять», – мрачно продолжила я.

Проблема еще и в том, что Саша не успел оформить себе страховку.

– Мы «попали» на деньги, и на большие...

– Ничего! – бодрилась Инна. – Что-нибудь придумаем!

Я молчала. Ее бы устами – да мед пить.

Моя дорога на Самуи по причине своей «малобюджетности» была долгой и разнообразной: поезд до Москвы, самолет до Бангкока, череда автобусов, а потом паром до острова.

Но каким-то чудом я ухитрилась ничего не перепутать, разве что на острове вышла не на автобусной станции, где меня поджидал Дима, а на пристани, и мне пришлось еще платить таксисту. Зато тот доставил меня прямиком к госпиталю.

Госпиталь

Цветущий сад престижного санатория – вот первое впечатление от «Самуи Госпиталя».

«У нас тоже весной сирень с черемухой, но не до такой же степени!» – изумляюсь я.

Я прошла мимо дерева ростом с наш тополь, буйно цветущего чем-то ярко-желтым, и окончательно почувствовала себя чужой на этом празднике жизни...

Закатив сумку в приемный покой, я сунулась в окошечко регистратуры и назвала тайской «коллеге» имя больного. Та повела меня в соседнее отделение.

На большой доске над дверьми я заметила палатный список больных, написанный от руки. Под каждым номером – тайские кудрявые закорючки, а под номером «Двадцать» – вдруг по-английски: «Mr Alexantr». Уже «тепло» ...

А когда из открытого окна одной из палат меня кто-то окликнул по имени, я поняла, что наконец-то добралась.

Вот и Саша... Сильно загорелый, обросший седой бородой, он лежал в одной набедренной повязке и улыбался, как ни в чем не бывало. Правая рука почти полностью была загипсована, а поврежденная нога лежала открытой, но из нее торчали блестящие металлические штыри, ввинченные в кости и хитроумно скрепленные между собой.

Постельное белье было почему-то фиолетового цвета, шторы на ширме тоже были фиолетовые.

«Цвета Великого Поста», – отметила я, продолжая растерянно улыбаться и по инерции держать свой багаж в руках.

– Ну, садись, дорогая, не стесняйся, будь как дома, – Саша лежа кивнул в сторону низенькой кушетки, обитой черным дермантином, которая стояла почти под его кроватью. – Здесь ты теперь будешь жить.

«Моторбайк акцидент»

Сашина беда у всех вызывает живейший интерес и даже уважение, особенно у тайцев. Более того, многие в ответ с готовностью и почти с гордостью демонстрируют собственные следы «моторбайк акцидента».

Узкие улицы, интенсивное движение, вереницы неопытных или нетрезвых фарангов, а также легкомысленных и беспечных тайцев на байках – в итоге на острове Самуи по три, а то и четыре дорожных происшествия ежедневно.

«Моторбайк акцидент» – это прекрасный повод для знакомства.

Саша даже снискал успех как талантливый рассказчик.

– Светило солнце, – не спеша, делает он зачин. – Еду себе с дайва, никуда не торопясь, со скоростью семьдесят в час...

– Ну, это немного! – обязательно заметит слушатель.

– И тут навстречу – «обезьяна с гранатой»! – Саша эффектно подбирается к кульминации. – Вижу тук-тук с длинной ржавой трубой, приваренной к телеге. Как вдруг – без объявления войны! – вся эта конструкция передо мной начинает поворачивать направо! Конечно, не включив никакого поворотного света! И эта железная труба перегораживает всю дорогу... От такой наглости я заорал матом, и тогда водитель вдруг остановился посреди дороги... Я попытался

было затормозить, но уже не смог – со всего маху врезался в эту самую трубу! Вот и все...

– А что тот парень?

– А что тот парень – подошел, спросил: мистер, ю окей? Я ему говорю: ты совсем дурак, что ли? Какое же тут «окей»?

– Пусть теперь платит за твое лечение!

– Не выйдет: это бирманский нелегал, у него нет денег. Спасибо, что хоть его хозяин заплатил за моторбайк – машина разбилась вдребезги!

– Да-а, – сочувствуют Саше в сотый раз.

Авария случилась на соседнем Ко Пангане, на одной из горных дорог. Саша мог бы упасть со скалы в море – слава Богу, не упал.

Его могли бы признать виновным (в Таиланде в подобных случаях всегда виноват фаранг), – слава Богу, виноватым признали того бирманца.

Ему могли бы не оказать квалифицированной помощи – слава Богу, его уже через несколько часов оперировал прекрасный доктор.

А все благодаря друзьям – русским и тайским.

Брат Дима позвонил дайверу Владиславу и Чану, боссу тайского дайвцентра. Те мигом примчались на байках, уладили дела с полицией, вызвали «скорую». Выяснилось, что требуется сложная операция, а для этого нужно срочно перевозить Сашу на другой остров, не теряя ни минуты.

Тогда Владислав попросил у своего партнера по бизнесу

спидбот. Вся компания мигом переплыла на Ко Самуи и, благодаря связям в морской полиции, спидбот причалил к берегу, на котором стоял «Самуи Госпиталь». И вот уже Сашу на «скорой помощи» подвезли под звуки сирены к больничному городку.

Выбор больницы сделал Чан: узнав, что у Саши нет страховки, он еще с Пангана по телефону договорился с самым демократичным и относительно недорогим госпиталем. Он же добился на месте, чтобы несмотря на то, что ночь на дворе, Сашу безотлагательно принял доктор, да чтоб самый лучший. Говорят, хирурга буквально подняли с постели. Сашу прооперировали без промедления.

...Когда российские врачи рассмотрели рентгеновский снимок Сашиной ноги, присланный по электронной почте, все единодушно отметили: «Ювелирная работа!»

Тайский гимн

Каждое утро в восемь утра на всю больницу транслируется торжественное хоровое пение. Это тайский гимн, и его мелодия сильно напоминает советскую патриотическую массовую песню (болтают, что сочинение гимна было заказано советскому композитору).

В эти минуты все медсестры и врачи на медицинском посту стоят по стойке «смирно», отставив все дела.

...Еще в Бангкоке на вокзале я прочувствовала трепетное отношение тайского народа к собственному гимну.

Я катила свою сумку по коридору к выходу на автобусную площадку. Как вдруг грянул хор, и люди справа, слева и впереди замерли как по команде вместе со своими чемоданами... Как в детской игре «Замри, умри, воскресни»!

Я озиралась и топталась на месте, не понимая, что случилось. И только когда отзвучал последний аккорд, люди как ни в чем не бывало двинулись дальше, по своим делам.

В другой раз гимн застиг меня на рынке. При первых пафосных звуках продавцы с серьезными лицами встали из-за своих прилавков, покупатели торжественно замерли по другую сторону торговли, но я уже не удивилась.

Всем больным обоих полов по утрам раздают одинаковые фиолетовые комплекты, которые состоят из рубашек на завязках и длинных широких юбок. Ходячий носит юбку как юбку, завязав на талии, а лежащему сворачивают из нее набедренную повязку.

Медсестры заметили, что Саша не пользуется этими «юбками», которые ему исправно выдаются, и прислали санитаря, который научил Диму делать брату повязку из прямоугольного куска материи. Для этого нужно кусок материи просунуть между ног больного, как детский памперс, скрутить в жгуты все четыре конца и попарно связать их между собой – и удобная одежда на все времена готова.

Саша теперь так и лежит целыми днями, как библейский пророк – полуголый, в фиолетовой набедренной повязке, с огромными черными глазами и седой бородой.

Госпиталь находится на западном берегу Сиамского залива.

Солнце садится прямо перед носом. На горизонте виднеются сизоватые причудливые силуэты островов заповедника АнгТонг-Марина-парк, и красный солнечный диск опускается прямо за эти острова. Море в этом безветренном месте

очень мелкое, поэтому огненная дорожка от солнца практически не дробится. Зато тучки и облака каждый вечер обеспечивают закату неповторимый подвижный рисунок. (Бесподобный мультик, и если бы не мои печали, как бы мне все понравилось...)

Впервые выйдя на берег, я с удивлением увидела, что в море оченьлюдно: по колено в воде туда-сюда разгуливают тайцы. Я заметила, как прямо на горизонте две собачки играют в «догонялки», – аки посуху, мистика какая-то! Потом соображаю – там проходит узенькая песчаная коса, обнажившаяся при отливе, и это по ней бегут собачки, а одна женщина даже катит к солнцу колясочку с ребенком. Да, такой вот замечательный «закатный» аттракцион в На-Тоне!

«Эх, Сашу бы сюда...» – мечтаю я. Но пока никак.

Полюбоваться на закат каждый вечер выползают все более-менее ходячие больные.

Берег обсажен вековыми соснами, которые дают тень людям и приют мелким птичкам вроде колибри. У деревьев длинные хвощеобразные иголки, очень мягкие и слабые, – не такие, как на наших соснах. Зато запах хвои и порывевший игольчатый коврик между корнями – как у нас.

На нижние ветви этих самых деревьев пациенты навешивают свои капельницы, а сами преспокойно курят на скамейках и любуются горизонтом. Многочисленные посетители едят рис в пластиковых контейнерах, принесенных с собой, и тоже глядят на закат. Некоторые остаются ночевать на

раскатанных циновках, наиболее предприимчивые раскидывают на берегу палатки. Никто их не выгоняет, даже наоборот, здесь считается, что больной человек не должен сидеть в одиночестве, и необходимо его навестить. Даже если вы не виделись пятнадцать лет и едва с ним знакомы.

Заболевание – это же такой прекрасный повод для встречи!

Навестить больного

С трогательной тайской традицией посещения больных я столкнулась буквально на следующий же день моего приезда на остров. Похоже, я оказалась к ней не готова, – ведь наши советские больницы всегда были полурежимными учреждениями типа «Никого не пущать!». А здесь...

Палата, в которой лежит Саша, разгорожена на четыре части – раздвижными ширмами. На каждого больного приходится примерно по шесть квадратных метров. На этом пространстве помещается большая кровать, а также софа для ухаживающего, прикроватная тумбочка и маленький столик на колесах.

В палатах принято ходить босиком (тем, кто вообще в состоянии ходить), поэтому перед дверьми обычно лежит кучка сланцев. По количеству пар можно сосчитать, сколько человек находится в палате. Обычно три-четыре.

Как раз выписался наш сосед, молодой парнишка с дыркой в груди. Его пожилая мамаша, отдав нам неиспользованные бутылочки с питьевой водой, пожелала здоровья по-тайски, после чего оба в приподнятом настроении покинули палату.

Зато после обеда санитары завезли на каталке нового больного – дряхлого тайского дедушку. За каталкой следова-

ли его старенькая супруга со скатанной циновкой под мышкой, взрослая дочь с орущим грудным ребенком, а за ними еще человек тридцать – мужчины, женщины, дети, старики. Все были радостно возбуждены и горланили, что есть мочи.

Дедушку водрузили на кровать. На голове у него синела большая шишка, а ступня была перевязана. Вид он имел слегка придурковатый, но, кажется, это не было связано с текущим заболеванием, просто от старости. Он сидел с открытым ртом и дико озирался, а люди вокруг что-то оживленно обсуждали, не обращая на него ни малейшего внимания. Поскольку толпа явно не помещалась на своей законной территории, они запрудили весь проход, стоя плечом к плечу.

Как на грех, мне приспичило вынести горшок, и кое-как я отдернула нашу занавеску. Толпа слегка расступилась, все ласково улыбнулись мне, хором поприветствовали «Соведика-а», а ближайшие с интересом заглянули в злополучное судно.

Когда я занесла свою облегченную ношу из туалета обратно в палату, я увидела, что куча сланцев на пороге выросла еще больше... Народ все шел и шел. Протиснуться к Сашиной кровати стало прямо-таки непросто.

Весь день галдеж стоял такой, что мы с ним едва слышали друг друга. Странно, что медсестры, которые то и дело пробирались к больным, чтобы выдать таблетки или померить температуру, преодолевали все препятствия с улыбкой и вообще ничем не выказывали своего недовольствия. Я поня-

ла, что они не видят во всем этом ничего экстраординарного. Может, здесь так надо?

К ночи поток соболезнующих слегка уменьшился.

Но выяснилось, что прямые родственники вовсе не собираются домой: бабушка расстелила циновку около больничной койки супруга, разложила на полу рис с курицей и каким-то пахучим чесночным соусом, а дочка с малышом, так и не переставшим плакать, улеглись на кушетке. Кажется, еще был пацан какой-то.

Выдалась дивная ночь: ребенок орал, у дедушки беспрестанно звонил телефон. Тот громко отвечал своему бандиту-собеседнику, но, видимо, сам не слышал ничего – по причине глухоты и детского плача, поэтому переспрашивал, все повышая и повышая голос.

Саша негромко матерился.

В конце концов я резко отдернула соседскую ширму и воплощенной укоризной предстала перед их тайские очи. Бабуля успокаивающе закивала и замахала руками – дескать, все-все, молчим, а дед сильно озадачился, да так и не понял, в чем проблема. Коммуникация осложнялась тем, что ни я, ни они не знали английского.

Все-таки после этого целых семь минут было тихо.

С раннего утра паломничество возобновилось. Люди шли

сплоченными рядами, несли большие корзины с едой, которую рассчитывали съесть прямо в нашей палате.

И они сделали это, несмотря ни на что.

– Да он кто такой – председатель колхоза, что ли? Со всех окрестных деревень ходоки приперлись! Слезли со своих пальм – и прямо сюда! – возмущался Саша.

Непрерывный гомон и невыносимые ароматы несвежей тайской еды довели его до того, что часов через шесть он взмолился:

– Чтоб он сдох, этот старикашка!

– Ты что, Саша, нельзя так! – испугалась я.

– Господи, тогда пошли этому человеку выздоровление, да поскорее! – поменял Саша. – Пусть у него все будет так хорошо, что он окажется у себя дома, и все эти «добрые люди» – тоже!

Каково же было мое удивление, когда отлучившись на полчаса и снова вернувшись в палату, я застала напротив Сашиной кровати всего двух санитарок, убиравших соседское койко-место!

– А где все? – ошеломленно спросила я Сашу.

– Не поверишь: его выписали, и весь этот базар-вокзал убрался отсюда! – Саша сам все еще не верил своим глазам. – Я так и не понял, чем он болел.

– Вот так помолился! – восхитилась я. – Как это у тебя хорошо получается! Теперь давай так же – за свое здоровье!

Что у нас сегодня на обед

В первый раз еду для больных развозят в семь утра. Как правило, это тайская каша без соли и сахара. Но специально для Саши – поскольку он все-таки «Мистер Алексантр» – на столик ставят поднос с кофе и гренками, к которым прилагается масло и джем, запаянные, как в самолете. Иногда рядом с «европейским» завтраком мы обнаруживаем ту же тайскую кашу.

Сначала мы всерьез гадали, чем вызваны такие изменения в диете, а потом поняли, что все гораздо проще: когда остается лишняя каша, ее тоже суют Саше, – не выбрасывать же.

Здесь нет обеда и ужина в нашем, российском понимании. Ланч в одиннадцать, а обед в четыре. Между ними полдник – булочка с соком (свежевыжатым арбузным или компотом из тропических фруктов). Зато ужина вообще нет.

Обед и ланч были такими обильными, что мы оба наедались досыта. На подносе умещались большая миска с рисом и несколько маленьких тарелочек с традиционными тайскими блюдами – морепродуктами, мясом, рыбой, курицей, карри, местными тушеными или сырыми овощами. Как правило, давали какой-то свежий фрукт – ананас, арбуз, банан или что-то незнакомое: похоже на яблоко, но не яблоко, похоже на грушу, но не груша.

В первые дни моего пребывания в госпитале я вообще потеряла вкус к жизни, а пищу принимала механически и через силу. Ужасно похудела. А потом обвыклась, и ко мне вернулся аппетит. Еды перестало хватать.

Как-то санитарка увидела в окно, как мы с Сашей едим с одного подноса. Она постучала, чтобы я открыла окно, и просунула ко мне второй поднос. В нем был другой диетический набор блюд, и тоже вкусный. С тех пор так и повелось: бирманские санитарки постоянно подсовывали нам ничейный обед.

А потом поспели мини-манго (здесь их называют «кумкат»), и к традиционному меню добавился неплохой десерт.

...На территории госпиталя много старых высоких деревьев. Под одним таким я заметила маленькие продолговатые плоды аппетитно-желтого цвета, похожие на абрикосы.

«Не может быть, чтобы они были несъедобные», – подумала я и куснула один.

Плод оказался сочным и ароматным, как всякая дичка. Я шустро собрала падалицу. С тех пор повадилась в сумерках ходить сюда.

Почему-то мне было неловко подбирать манго на глазах у почтеннейшей публики, и я старалась делать это как можно незаметнее. Но тайцы мало того, что любопытные, так еще и наблюдательные.

Крадучись подхожу к манговому дереву, заглядываю под

него, как вдруг из служебного корпуса выскакивает тайский дядечка в спецодежде, показывает на меня пальцем с криком «Манго, манго!», затем лезет на дерево, интересуясь по ходу дела, есть ли у меня «баг», и принимается что есть силы трясти крону. Оказавшись под градом плодов, я быстро наполняю свой мешочек.

Другое плодовитое дерево росло при въезде в госпиталь, рядом с полицейским постом. На асфальте постоянно валялись раздавленные плоды манго, потому что ветви дерева свешивались над дорогой, по которой туда-сюда ездили машины. Даже если манго валялись еще целые, не слишком-то удобно было при всех их поднимать. Я шифровалась то так, то эдак. Подойду то рано утром, то поздно вечером. Лишь бы дворник не успел смести.

Однажды подхожу к манго и вижу, – дворник уже все подмел, на асфальте чисто, ни одного манго. Но на развилке ветвей лежит какая-то кучка плодов...

Я вдруг понимаю, что кто-то специально собрал их для меня... Кто-то снова наблюдал за мной и смекнул, что я охочусь за фруктами, поэтому сохранил их в кучке, чтобы дворник не смел!

Кто бы это мог быть? Оказалось, полицейский!

Старый разбойник

Я уже так привыкла к тайским дежурным улыбкам, что отсутствие у тайца улыбки я воспринимаю как нарушение привычного порядка вещей.

Так вот, этот старик в фиолетовой юбке не улыбался. Я вам скажу больше: когда я вышла из палаты в холл, он замахнулся на меня шваброй.

Я еле увернулась. Тогда он швырнул эту швабру через перила со второго этажа и пошел в подсобку за веником. Пока он методично выкидывал разные полезные вещи, медсестры испуганно прятались в укрытии медицинского поста. Неотступно следовавшие за дедом мужчина и женщина тихонько уговаривали его с двух сторон. Но, что удивительно, никто даже не попытался применить силу.

Через час мне понадобилось выйти из отделения, но под дверью прямо на полу расселся тот самый зверский дед, а рядом с ним примостились его несчастные дети и все так же безуспешно продолжали его увещевать. Дочь сделала мне знак, чтобы я исчезла от греха подальше, и мне пришлось выйти через вторую дверь.

...Ночью я проснулась от звона разбитого стекла. Кто-то злой крушил окна в соседней палате. Я вспомнила, что на общем длинном балконе сушится мое белье, и выскочила,

чтобы убрать одежду, пока ее не выбросили со второго этажа. Сквозь разбитое стекло в пустой соседней палате я увидела разбушевавшегося деда, размахивавшего костылем. В отдалении стояла стайка полицейских, которые отчаянно махали мне рукой – дескать, уйди в туман!

В это время из моей палаты выглянула соседка и резко втянула меня за руку на место и захлопнула дверь, да еще заперла на задвижку.

А сумасшедший дед продолжил громить госпиталь, невзирая на вопли собственных детей.

Странно, но по-прежнему никто не вмешивался, даже полицейские.

«Видимо, тайцы до того не приемлют агрессии, что даже не знают, как поступить», – предположила я.

Старый хулиган куражился довольно долго, пока какой-то смельчак все-таки не прекратил его бесчинств.

Наутро я снова его увидела: он лежал у окна соседней палаты, спеленатый, как младенец, даже голова была привязана к подушке. Его дети скорбно сидели у кровати с почтительными выражениями на лицах.

«Какое непоколебимое уважение к старшим», – это была вторая вещь, которая меня поразила.

А третья – что Саша в эту ночь так и не проснулся!

Леха

– Привет, Леха! – радуется Саша, отвечая на звонок по телефону. – Вот, лежу себе. Приходи-приходи!

Вместе они «ныряли» на Ко Тао, путешествовали по Лаосу, голодали, попадали в передраги в чужой стране.

Сам Леха родом из Самары. Была жена – ушла. Был бизнес – прогорел. Лет пять назад решил бросить все и уехать подальше – и вот живет в Таиланде.

В палате Леха появляется с большим мешком фруктов и даже с арбузом. Но чуть ли не с порога жалуется на нехватку времени и отсутствие работы.

Леха вообще недоволен жизнью: уже за сорок, говорит, а все так нестабильно – «нырялка» то есть, то нет.

А хочется чего-нибудь такого, но знать бы чего...

– Да ладно, бывает и хуже. Козу купи, – утешает Саша.

– Действительно, – и Леха переключается на Сашу. – Кстати, как ты?

– Нормально, – бодрится Саша. – Все лучше и лучше.

– И сколько же стоит все это удовольствие?

Саша называет страшную сумму.

– Да ты что – такие деньги! Ты с ума сошел! У тебя что, страховки не было? Ну ты даешь... Надо мне срочно сделать себе страховку...

– Да ладно, все отлично, – вступаю я в разговор. – Жив, поправляется, – остальное приложится.

– Ты еще не знаешь, что тебе грозит, – весело пугает Ле-ха. – Вот гипс наденут – все как начнет под ним чесаться, – будешь думать только о том, как бы почесать! – хихикает он.

Вроде бы шутит, но как-то не смешно. И в глаза не смотрит. Саша было собирался у него проконсультироваться по компьютерным делам, но уже понял, что не стоит. Если хочешь, чтобы тебе помогали, то будь богатым и здоровым, а не больным и бедным.

Визит дамы

«Оля, не могу дозвониться до хозяина ресорта, который мне так понравился в прошлом году! Можно, мы с сыном переночуем у тебя?» – читаю я электронное письмо.

Мне становится смешно: «у меня» – на софе в больничной палате... Не гламурно.

Удаленно извиняюсь перед Любой за отказ и объясняю, что к чему. Сообщаю свой номер телефона.

Люба в ответ виртуально охает и обещает навестить нас сразу после приезда на остров.

Люба украинка, эмигрировавшая в Англию. Она обеспеченная женщина: не работая, позволяет себе часто отдыхать на самых престижных курортах мира и иметь дорогостоящие хобби, – например, дайвинг. В прошлом году она «ныряла» на Ко Тао, где Саша работал инструктором. Там мы все и подружились.

...Люба появляется в госпитале, нарядная, праздничная и щедрая, как Санта-Клаус. Целует Сашку, отпуская комплимент его бороде, и вытаскивает из сумки экзотические фрукты, названий которых мы до сих пор не знаем, пакет с печенюшками, бутылку ирландского виски и еще всякую всячину.

– Это тебе бальзам для волос, а это крем для тела, – про-

тягивает она мне. — Я его немного поюзала, но там еще много осталось. Чтоб следила за собой, поняла? И есть еще один подарок для тебя: я хочу подарить тебе платье, но с одним условием — ты его прямо сейчас наденешь!

Платье «секси» — короткое, открытое, фасон с драпировками, цвет перламутрово-розовый, смотрится невероятно дорого. Короче, это платье не из моей жизни, тем не менее я его послушно надеваю.

— Ты словно родилась в нем, — хвалит Люба, и в этом есть доля истины: платье мне как раз.

Но все равно не из моей жизни.

Я прямо в нем бегу за кипятком в коридор, мы завариваем пакетный кофе, рассаживаемся вокруг Сашиной кровати и весело болтаем втроем.

Мы с Сашей жалуемся Любе, что никак не можем продвинуться в английском. На это она вспоминает, как без знания языка десять лет назад ухитрилась эмигрировать в Англию.

— Я наняла учительницу, мы составили ответы на все предполагаемые вопросы, я вызубрила их наизусть и даже научилась произносить с особым шиком. Интервью я прошла с блеском, зато потом в Англии мой босс недоумевал, как я попала в эту страну, будучи не в зуб ногой в английском!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.